

риальной природной красоты и красоты духовной. Именно из этого понимания рождается искусство храмовой архитектуры, искусство иконописи, мозаики и фресковой живописи. Архитектура христианских храмов в разные периоды своего исторического развития, безусловно, приобретала свои стилистические особенности. Генезис храмовой архитектуры во многом связан с регионами Греции, Сирии, Малой Азии, Каппадокии. Однако, даже с учетом факторов временного, национального, стилистического разнообразия, христианский храм, как особое сакральное сооружение сохранял идею соединения веры, традиций, архитектурного мастерства. Собственно, идею соединения земного и небесного. Как писал отец Павел Флоренский: «...алтарь означает человеческую душу, а храм – тело» [2, с. 37]. Таким образом, он подчеркивал метафизическую природу христианской храмовой архитектуры.

Белорусская храмовая архитектура (а, по сути, большая архитектура) и началась с приходом христианства, воплотившись в храмах Полоцка, Витебска, Гродно... И когда любишь фресками Спасо-Преображенской церкви в Полоцке или настенными узорами Борисоглебской церкви в Гродно приходит ясное, как чистое небо, понимание главной идеи создателей этой красоты. Красоты, которая служит не только возможности внешнего любования, но и делу подлинного Преображения человека.

Именно поэтому, нам и сегодня важно так воспитать будущих зодчих, чтобы они стали, как говорил Св. Кирилл Туровский: «...честна дому искуснии строители» (1, с. 42).

Литература

1. Анталогія дауняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя/ НАН Беларусі. – Мінск, 2005.
2. Флоренский П.А. Иконостас: избранные труды по искусству / П.А. Флоренский. – СПб., 1993.

Можейко М.А. Феномен любви к Родине: эволюция патриотизма в истории культуры

Любовь к Родине представляет собой не только индивидуальное чувство в психологической полноте его эмоциональных оттенков, но и особый социокультурный феномен, обладающий статусом од-

ного из самых фундаментальных в любом обществе и в любой культурной традиции. В своей эволюции этот феномен прошел ряд этапов, каждый из которых характеризуется своими специфическими чертами: на каждом из них любовь к Родине как социокультурный феномен наполняется различным содержанием и объективируется посредством различных проявлений в социальной действительности.

Так, исходным этапом развития феномена любви к Родине может считаться такое относящееся к первобытному обществу явление, как защита собственной территории обитания. Это первичное стремление сохранить для своей группы (племени или – позднее – рода) территорию, которая осознается пока еще только как обжитое место и источник жизненных благ, необходимых для выживания (охотничьи угодья, места рыбной ловли), которое необходимо закрепить за собой, не утратить как источник средств к существованию. Таким образом, на самом раннем этапе развития отношения к родной земле оно является еще сугубо прагматичным. Тем не менее, этот аспект понимания родной земли изначально лежит в основе понимания необходимости ее обороны – защиты от внешних врагов. С развитием самосознания человека меняется и осмысление родной земли. Прежде всего, сам факт ее наличия подвергается рефлексии: это не просто территория, где род или племя живут и охотятся, перемещаясь по мере необходимости, – это именно наша территория. Возникает осознание обоюдной принадлежности: как эта земля принадлежит нам, так и мы принадлежим этой земле.

Более того, осознание феномена родной земли развивается и в семантическом отношении: есть родная земля, и есть другие земли, которые родными не являются. Человек отдает себе отчет в специфике родной земли, ее отличии от других земель, причем отличие это заключается не в плане внешних (природных) особенностей, но в том факте, что именно эта земля является родной, своей – и в этом смысле ее статус не может быть приписан ни одной другой, пусть даже и более благоприятной в смысле климата или ресурсов. Это очень важный момент, который, возникнув на столь раннем этапе развития любви к родине, не просто остается в контексте ее содержания вплоть до сегодняшнего дня, но и получает существенное содержательное развитие, порождая глубинный, ставший базовым аспект содержания феномена любви к Родине. На базе этого впло-

следствии разовьется восприятие Родины, как матери, а себя (и народа, и отдельного человека) – как носителя сыновней любви: «дзеткі Маці - Зямлі нашай» говорит о белорусах Франтишек Богушевич. Родина понимается столь же онтологически данной, как и мать, и потому – при любых обстоятельствах – «Зямля дзяцей сваіх не кіне...» [5, с. 223]. В поэме «Новая земля» Якуба Коласа встречаем такое обращение к родной земле: «Дзень добры, новая мясціна! / Спаткай мяне, як маці сына <...> / Узброй надзеямі нам грудзі, / Бо мы твае, зямелька, людзі!» [5, с. 47].

Однако и такой оттенок содержания представлений о родине, как зависимость человека от ее природных даров, не вымывается целиком из представлений о родной земле, но не акцентируется как главный – уходит на фоновый план, сохраняясь при этом на всем протяжении развития культуры – вплоть до наших дней. Развитие и переосмысление этого подхода приводит к тому, что к XX веку складывается тенденция трактовки родной земли как фундаментального фактора человеческого существования. Так, у Якуба Коласа: Неман «для сяла быў як родны бацька: і паіў, і карміў, і на сваіх плячах кожнага вынасіў...»[4, с. 71]. Однако проявляется этот фактор не сам по себе, но в контексте трудовой деятельности человека: как говорит герой Якуба Коласа: «Зямля... зямля... <...> / Будуй яе» [5, с. 280]. Разумеется, что под землей понимается в данном контексте отнюдь не почва для возделывания, но земля как родина, как возможность обретения *своего* места в мире – доли во всей полисемантической этого слова: и обретения своего места в мире (доля как дом), и возможности принимать участие в сакральном движении (доля как неотъемлемая часть), и обретения счастья (доля как счастливая судьба).

В этом контексте осознание связи человека с родным окружением – как индивида, так и народа в целом – по ходу разворачивания истории обогащается новыми оттенками, которые и становятся первостепенно значимыми: феномен родины начинает семантически сопрягаться с моральными и социальными качествами самого человека. Связь человека с родной землей понимается как более глубокая, нежели ранее, – она не ограничена только осознанием практической зависимости человека от возможностей и ресурсов, предоставляемых родной природой: неразрывная связь с родиной, фундаментальное единство родной землей – все это дает человеку ни с

чем не сравнимое чувство подлинности бытия, обретения своего места под солнцем и исполнение своего предназначения, что является извечным основанием ощущения личного достоинства. Так, у Янки Купалы в стихотворении «Жнея» читаем: «Вецер абдымае / Стан яе дзявочы, / Сонца ёй цалуе / Шью, твар і вочы <...> / Смела йдзе у сонца, / Уся сама як сонца, / Гэта жнейка наша / Ёў нашаей старонцы» [7, с. 45-46].

В этом плане расставание с родной землей переживается как утрата своего места в мире, выпадение из вселенской гармонии, чреватое утратой самости: «...О, край мой мілы! Усёй душою / Хачу злучыцца я з табою, / У тваіх палях пазычыць сілу...» у Якуба Коласа [5, с. 152]. В максимально выразительной форме эта мировоззренческая установка проявляется в стихотворениях Максима Богдановича: «Паломаны жыццём, чакаючы магілы, / Радзімая зямля, прынікнуў я к табе, / І бодрасць ты ўліла ў слабеючыя жылы» [1, с. 119]. Таким образом, феномен родины связывается с гордостью, достоинством и счастьем, сопрягаясь уже не с территориальным, но с сугубо социальным контекстом.

Именно на этом эмоционально окрашенном основании – осознании неразрывного единства сокровенно-личного в человеке и сокровенно-сакрального в природе – основывается значимая во всех культурах тема охраны родной земли. Так, например, ранний средневековый эпос – «Песнь о Сиде», «Песнь о Роланде» и др. – пронизан пафосом защиты родной земли от внешних врагов, посягающих на ее территорию и богатства. Так, Сид – борец против мавров, который понимает смысл своей жизни в освобождении родины от захватчиков-арабов (именно побеждённые арабы дают ему это имя – Сид: от арабск. *сеид* – «господин»). «Песнь о Роланде», описывающая Ронсевальскую битву, также посвящена теме защиты родины, подвергшейся нападению агрессора, причем родина воспринимается уже не как территория как таковая, но – как субъект: «Как жалко нам дивной Франции сладкой» [8, с. 169]. Все ратные доблести, мужество и героизм должны быть проявлены в полной мере, когда родина в опасности, – в этом контексте в уста Роланда вложены слова: «Сеньоры, в бой! Мечом разите светлым!». Важно, что речь здесь идет не только о предотвращении возможной ее утраты, но и о предотвращении ее поругания чужаками: « Рубитесь все ради жизни и смерти. / Франции сладкой опозорить не смейте...»

[8, с. 177]. Вместе с тем, охрана родной земли понимается не только как оборона от внешних врагов, но и как защита от оскудения ее богатств, хотя понимание того момента оформляется позднее: как правило – в контексте культуры Возрождения. Так, в поэме Миколы Гусовского «Песня пра зубра» отмечается, «Княжацкі ўказ пад пагрозай адказнасці строгай / <...> ашчажае <...> багацці лясныя» [3, с. 69].

Этот аспект понимания родины как родной земли, нуждающейся в возделывании и сохранении, остается в понимании родины на всем протяжении исторической традиции, но, как уже было отмечено, остается в фоновом режиме: важным с течением времени становится совсем иное. В ходе разворачивания исторического процесса формируется этно-национальная идентичность, а со становлением и развитием государства оформляется национальное самосознание, в рамках которого любовь к родине конституируется в качестве патриотизма как социально и государственно ориентированного феномена. Становление и развитие патриотизма реализуется параллельно в двух плоскостях. Одна из них связана с государственностью: идентичность выстраивается именно в сопряжении с определенным государством. В этом контексте дифференцируются представления о *малой родине* как месте рождения и взросления и представления о Родине как государственном объединении (*большой Родине*) – представления, выходящем далеко за пределы прежнего понимания любви к родине в ее эмоциональной репрезентации. Так, трактовка Родины в этом новом – значительно более широком – контексте предполагает формирование таких феноменов, как гражданское самосознание, политическое сознание и патриотизм в государственной его артикуляции.

Представления о родине (Родине!) существенно масштабируются, расширяются. Для любви к *малой родине* характерна предельная конкретность. «Вось як цяпер, перада мною / Ёстае кучок той прыгожа, / Крынічкі вузьнякае ложа / І елка ў пары з хваіною, / Абняўшысь цесна над вадою...» у Якуба Коласа [5, с. 7-8]. В отличие от этого патриотизм как любовь к *большой Родине* задает гораздо более широкий масштаб, включая в представления о Родине и те края, где носитель этого – государственно артикулированного – патриотизма никогда не был и, возможно, не побывает (наиболее ярко этой проявляется в империях, охватывающих территории от

моря до моря). Механизм этого можно наблюдать в определенных исторических ситуациях, когда представления о родине обретают более широкий масштаб в силу конкретных обстоятельств: так, например, в античной Греции принадлежность к полису во время Греко-Персидских войн переосмысливается как принадлежность к ойкумене, греческому миру в целом (в противоположность персам).

В социально-психологическом плане эмоциональная окрашенность представлений о Родине (как *большой Родине* – стране и государству) и о *малой родине* также различны. Так, патриотизм предполагает гордость за свою страну, за ее достижения в социальной и культурной сферах, готовность на жертвы во имя ее процветания. Неслучайно синонимом слова «Родина» (*большая Родина*, которая пишется именно с большой буквы) является слово «Отечество», в содержании которого звучит гордость за деяния предков. Что же касается эмоций, связанных с представлениями о *малой родине*, то они существенно мягче и предполагают любовь как привязанность, аналогичную любви ребенка к матери, стремление приникнуть к истокам, из которых можно черпать новые силы: как пишет Якуб Колас, обращаясь к своей малой родине, которую он очень ёмко обозначает как «родны кут», «Не раз, утомлены дарогай, / Жыццём вясны мае убогай, / К табе я ў думках залятаю. / І там душою спачываю...» [5, с. 7].

Трактовка Родины в государственном ее понимании проходит в контексте развития человечества существенную эволюцию: от личной верности монарху (династии) в средневековых Европе и Азии – до доминирования патриотизма в государственном смысле над патриотизмом в смысле узко-национальным (современными примерами могут служить феномены *россиян, казахстанцев* и др., построенные на фундаменте не этно-национальной, но именно государственной идентичности).

В современных условиях патриотизм как любовь к *большой Родине* отчетливо проявляется и в федеративно организованных государственных объединениях: он держится на иной, не столько территориальной, сколько аксиологической основе (общность культурных ценностей – политической идеологии, религии). Именно в этом контексте – контексте духовной культурной традиции – и разворачивается вторая плоскость нового понимания родины. В этом контексте феномен родины понимается отнюдь не в топографическом

плане, но прежде всего в плане духовном – как то место (тот культурный локос), где (в семантическом пространстве которого) индивид впервые осознал себя собою, сопрягая свои мировоззренческие ориентиры с той или иной сложившейся в культуре системой ценностей и шкалой оценок – нравственных, религиозных или иных. Человек переживает такую интериоризацию ценностей как формирование своего самосознания, становление себя как личности – фактически как второе, духовное рождение. Таким образом, человек переживает свое духовное начало как идущее не просто от места рождения как природного топоса, но – главным образом – от тех культурных традиций, которые связаны с ним: «Ад роднае зямлі, ад гоману бароў, / Ад казак вечароў, ад песень дудароў / ... Ад шолахай начэй, / Ад тысячы ніцей, / З якіх аснована і выткана жыццё / І злучана быццё і небыццё...» [6, с. 283]. Значимость духовных основ патриотизма обнаруживает себя уже в средневековых текстах. Так, упоминавшаяся выше «Песнь о Роланде» демонстрирует это в полной мере. Враги понимаются Роландом не просто как завоеватели, но именно как иноверцы: «Видит Роланд, безбожники пришли; [8, с. 177] Епископу Турпину Роланд говорит: «Ни для кого не изменю я вам. / В этом бою узнает басурман, / Как звать мечи Дюрандаль и Альмац» [8, с. 185]. Иными словами, битва за Францию как родину оказывается фактически изоморфной битве за веру.

В более поздней культуре представления о духовной родине могут быть вообще лишены топографической привязки: важны ценности, аксиологические ориентиры личности, его верность той или иной культурной традиции, и неважно, где именно, на какой территории это имеет место, – важно, что человек как личность проявляет свою верность этой традиции, реализует в жизни свои принципы и устои. В представлениях о духовной родине неразрывно связаны нравственные, религиозные и иные аксиологические структуры. Очень выразителен в этом отношении сюжет Франтишка Богушевича о том, как православные крестьяне, которых насильственно сгоняли в униатскую церковь, отдают предпочтение не чужому храму, но родному лесу, ведя беседу с Богом в пуще и молясь деревьям: «Кожны ў нядзелю раненька ўстане, / <...> І марш у лясы, <...>. / А там, у пушчы, <...> / Чытаюць малітвы...» [2, с. 91].

Феномен духовной родины имеет важную особенность: если родина в ее традиционном значении объединяет земляков, то *духовная родина* объединяет людей по критерию единства взглядов и ценностей. Так, христиане Беларуси, Греции, Сербии, Австралии и т.д. равно чувствуют себя братьями, и где бы ни родились они физически, их духовное рождение объединяет их в духовное братство.

Литература

1. Багдановіч, М.А. «Калі зваліў дужы Геракл у пыл Антэя...» // М.А.Багдановіч. Поўны збор твораў у 3 т. – Т. 1. – Мінск, 1992. – С. 119.
2. Багушэвіч, Ф.К. Свая зямля // Ф.К. Багушэвіч. Творы. – Мінск, 1999. – С. 91-93.
3. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі.– Мінск, 1980.
4. Колас, Я. Нёманаў дар / Я. Колас. Збор твораў у 14 т. – Т. 4. – Мінск, 1973. – С. 69-85.
5. Колас, Я. Новая зямля // Я. Колас. Збор твораў у 14 т. – Т. 6. – Мінск, 1974. – С. 7-280.
6. Колас, Я. Сымон-музыка // Я. Колас. Збор твораў у 14 т. – Т. 6. – Мінск, 1974. – С. 281-472.
7. Купала, Я. Жня // Я. Купала. Збор твораў у 7 т. – Т. 3. – Мінск, 1973. С. 45-46.
8. Песнь о Роланде / По Оксфордскому тексту. – М. –Л., 1934.

Адалят Мурад кызы Абдиева. Исторические традиции христианства в Азербайджане и Белоруссии

Неповторимость азербайджанской культуры заключается в том, что на протяжении веков здесь происходил процесс смены нескольких религий, каждая из которых не только порождала новые, характерные для ее культа культурные ценности, но и способствовала взаимопроникновению нескольких религий. Принимая новое религиозное учение, народ не отказывался полностью от старого: былые обряды теснейшим образом переплетались с новыми, способствуя мирному сосуществованию в Азербайджане нескольких религий.

В духовной культуре средневекового Азербайджана большое значение, наряду с зороастризмом и исламом, имело христианство с